

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Орлова

Цена СОМНЕНИЙ

Екатерина Орлова

Цена сомнений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70322713

SelfPub; 2024

Аннотация

– Леш, мне сказали, что ты спутался с рэкетирами, – решаюсь произнести то, что тревожит меня почти целый день.– И ты поверила?– Я никому, кроме тебя, не верю. Знаю, что ты скажешь правду. Скажешь ведь?– Да уже говорю, Люб, – произносит он. – Я работаю на стройке, а по ночам разгружаю вагоны. Хочу как можно скорее перевезти тебя в столицу. Может, учиться пойдешь. Профессию получишь и будешь на нормальной работе работать. Я никогда не сомневалась в своем любимом. Верила каждому его слову. И даже когда меня уверяли, что он подался в преступники, все равно сомневалась. А когда сообщили ужасную новость, я все равно думала, что мне лгут. Ну не мог мой Леша стать таким! Я дорого заплатила за свое доверие и уже попрощалась с прошлым. Но оно настигло меня в самый неподходящий момент.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Екатерина Орлова

Цена сомнений

Пролог

- Леш, мне сказали, что ты спутался с рэкетирами, – решаюсь произнести то, что тревожит меня почти целый день.
- Кто сказал?
- Юлька. Ей кто-то ляпнул.
- Вот именно, что ляпнул. И ты поверила?
- Я никому, кроме тебя, не верю. Знаю, что ты скажешь правду. Скажешь ведь?
- Да уже говорю, Люб, – произносит он, садясь на кровати и натягивая носки. – Я работаю на стройке, а по ночам разгружаю вагоны. Хочу как можно скорее перевезти тебя в столицу. Может, учиться пойдешь. Профессию получишь и будешь на нормальной работе работать. Ходить на каблуках в офис, губы красить. А не вот это.
- Он протягивает руки и, взяв мои, целует ладони, истыканные занозами и с первыми мозолями.
- Твое место где-нибудь в кабинете. Или в детском саду. Ты была бы классной воспиткой. Ты ж любишь детей.
- Люблю, – улыбаюсь, глядя в его светящиеся глаза.
- Значит, решено. Еще немного подзаработаю, чтобы

снять нам комнату в общежитии, например, и переедем в столицу.

Леша шире расставляет ноги, притягивает меня к себе за талию и упирается лицом мне в живот. Целует через ткань шорт, а потом выше – голую кожу. Я улыбаюсь, представляя себе, как изменится наша жизнь, когда мы переедем в столицу.

И она меняется. Только переехать я не успеваю.

Спустя две недели в субботу, когда мы с мамой занимаемся консервацией, ко мне приходит Юля. Я открываю дверь и впускаю подругу.

– Ты вовремя, поможешь с острым перцем. Не могу уже его чистить. Заходи.

– Люб, я на минутку, – отвечает она серьезно.

Я уже развернулась, чтобы идти на кухню, но поворачиваюсь к подруге лицом.

– Ты бледная, – замечаю только сейчас.

– Люб, Лешку твоего убили.

Как только она произносит это, в ушах начинается противный шум со свистом. Юля еще что-то говорит, но я ее не слышу. Она испуганно бросается ко мне, когда я начинаю оседать на пол. А дальше лишь чернота, я ничего не помню.

Глава 1

– М-м-м, вкусная моя, – бормочет Леша мне в губы, а потом углубляет поцелуй.

Весь мой живот наполнен трепыхающимися бабочками. Мы с Лешей уже месяц вместе, а я до сих пор не могу в это поверить. Самый классный парень в нашем районе любит именно меня. Он так и сказал. Даже если соврал бы, я бы поверила. Вон сколько девчонок по нему тащится, и каждая поверила бы в эту ложь. Но я знаю точно, что он говорит правду. Кто бы еще отдал все свои сбережения на то, чтобы подарить мне джинсы “Мальвины”? Девчонки от зависти сгорят, когда увидят меня в них.

– Надо было подарить тебе юбку, – лаская мою попу, бормочет Леша. – А так я теперь не смогу добраться до твоего самого сладкого местечка.

– Ну Леша, – краснея, отвожу взгляд, а он сильнее сжимает мою ягодицу.

– Скромница моя, – довольно улыбается он и, обняв за талию, ведет дальше.

Я поправляю свою челку, которую он наверняка смял лбом. Я и так потратила на нее кучу сахарного сиропа и все свои нервы. Мама причитала, что я дура, и мне не стоит тратить столько усилий ради этого хулиганья. Но что она понимает? Как будто ей никогда не было восемнадцать, и она не

влюблялась.

Мы приходим на дискотеку в разгар веселья. Все друзья Леша уже изрядно подвыпившие. Девчонки танцуют под “Файну”, виляя задницами в юбках-резинках. Слышно шарканье ног, а над головами танцующих тяжелой тучей нависает сигаретный дым.

– Здорова! – Леша по очереди сталкивается ладонями со всеми друзьями, а ко мне подбегает моя подруга Юлька.

– Пошли танцевать! Ну что вы так долго? – Она втягивает меня в круг, образовавшийся вокруг сваленных посередине в кучу сумочек. Добавляю свою и начинаю танцевать, ловя на своих ногах восхищенные взгляды. Хочется задрать ногу и всем показать, как модно я теперь одеваюсь! – Ого! Люб! – восклицает Юлька, приблизившись ко мне. – Откуда такое богатство?!

– Леша подарил, – улыбаюсь, довольная произведенным эффектом.

– Что-то Леше твоему стройка приносит денег больше, чем другим пацанам!

– А он откладывал, чтобы сделать мне подарок!

– Ну да, – с сомнением отвечает подруга, но я не обращаю внимания на ее скептицизм. Лично я верю в то, что Леша у меня честный и порядочный. Кто бы что ни говорил.

Натанцевавшись, иду искать Лешу, но его нигде нет.

– Коля, ты Лешу не видел? – спрашиваю знакомого в коридоре клуба.

– На улице с пацанами курит, – отвечает он и ныряет в прокуренный зал.

Выхожу на крыльцо. Повсюду тусуются люди. Кто-то при-танцовывает под музыку, звучащую из машины Дениса За-вьялова, кто-то болтает, кто-то тут же разливает теплую вод-ку по пластиковым стаканчикам. Скривившись, вздрагиваю, представив себе вкус, а потом разворачиваюсь, чтобы пойти за угол ДК, но замечаю на лавочках внизу компанию Леша. Они тоже пьют и громко смеются.

Подхожу ближе, и Леша сразу же обнимает меня за талию.

– Моя красотка, – довольно улыбается он и целует меня, а я чувствую привкус водки и сигарет на его губах. Мне не нравится это, но нравится сам Леша. Я даже люблю его. – Зацените, какую джинсу я оторвал моей крошке.

– Зачет.

– Огонь.

– Это ж сколько бабла ты туда вкинул?

Друзья атакуют его вопросами и восторгами, а я вся све-чусь от гордости. Настроение сегодня просто на пике. Я го-това взлететь. А когда из машины Дениса раздается голос Брайана Адамса, у меня подкашиваются ноги. Обнимаю Ле-шу со спины и немного покачиваюсь, представляя себе, что танцую с ним.

Мой парень никогда не танцует. В принципе. Но и другим со мной теперь танцевать запрещено. А я так это люблю! Так что приходится вот так имитировать танец. Спасибо Леше,

хоть от такой вариации он не отмахивается. Прижимает мою ладонь к своей груди и слегка покачивается вместе со мной.

– Леха! – раздается слева, и мы все поворачиваем головы в ту сторону.

Со стороны парка к нам идут четверо парней. Судя по всему, старше Леша. Выглядят как босяки какие-то, но все в фирме: джинсы, спортивные кофты “Монтана”, у одного даже, кажется, “Адидаас”.

– Здорова, – Леша по очереди жмет им руки.

– Хай, – один из них заглядывает Леше за плечо, а я сжимаюсь.

– Это кто там такой пугливый? – ухмыляется один из парней.

– Лом, оставь ее в покое.

– Да я ж ничего. Просто спрашиваю, кто это у нас?

– Не у вас, а у меня, – твердо говорит Леша и, взяв меня за руку, подталкивает в сторону дома культуры. – Топай, я позже тебя найду.

– Ладно, – отвечаю неуверенно.

– Красивая, – доносится мне в спину, и я ускоряюсь.

Поднявшись на ступеньки, сталкиваюсь с подругой. Она смотрит в сторону Лешиней компании.

– Какого черта твой Лешик спутался с Лиховскими?

– С кем? – встаю возле нее и наблюдаю за тем, как Леша с этими неизвестными отходят в сторону парка. На входе останавливаются и о чем-то разговаривают.

Юля передает мне открытую бутылку с пивом, и я делаю глоток, после чего возвращаю подруге напиток.

– С Лиховскими. Они из соседнего района.

– Откуда ты их знаешь?

– Васька Добрынин со своими как-то сцепился с этим зверьем. Разборки были. Мамка рассказывала.

– А она откуда знает?

– У нее сослуживица мама одного из этих, – она кивает подбородком на тех парней. – Похоже, твой Лешка связался с бандотой. Они не наши пацаны: подраться да жвачку украсть у бабок в переходе. Эти играют крупнее. Говорят, занимаются рэкетом и разводом.

– Каким разводом?

– Люб, ну не тупи уже. Разводят лохов. Наперстки, карты... Все как обычно.

– Здорова, Юль, – к нам подходит Леша и, обняв меня, впивается поцелуем в губы.

– Ох, опять началось, – вздыхает моя подруга и ретируется.

– Леш, а кто это был? – спрашиваю, когда он наконец отрывается от меня.

– Да так, знакомые.

– Юля сказала, это бандота из соседнего района.

– Не спрашивал.

– А как ты с ними познакомился?

– Да мы на стройку вместе ездим.

– Они на стройке работают?

– Ну да, – отвечает он. – Пойдем к пацанам или ты еще потанцуешь?

– Потанцую.

– Ну я на лавке.

– Ладно.

Поцеловав его, возвращаюсь в полумрак танцевального зала. Пробираюсь через толпу в поисках подружки и наконец нахожу ее возле диджея.

– Ты не слышишь меня? Поставь Уитни Хьюстон! В смысле у тебя нет?! Блин. Пойди у Дениса кассету возьми! Лошара, – развернувшись, возмущенно бросает подруга и спрыгивает с невысокого помоста. – Прикинь, у него нет Хьюстон. Ладно, идем хоть под что-нибудь потанцуем.

Она тянет меня на танцпол.

– Юль, Леша сказал, что он с теми парнями только на стройку ездит.

– Ага, сваи вколачивать в нерадивых торгашей на рынке. Все, тут будем.

Мы начинаем танцевать, а я все никак не могу расслабиться и отпустить мысли о том, что Леша связался с кидалами. Да нет, Юлька неправа. Мой парень очень положительный. Даже вон “Мальвины” мне купил. Не мог он с бандитами связаться. А что, если мог? Что это меняет для меня? Сейчас все крутятся как могут. Даже моя мама, которая всю жизнь проработала дояркой на молокозаводе, приторговывает вод-

кой и вязаными носками. Выживать же как-то надо. И Леша, может, выживает. Но я все равно надеюсь, что моя подруга просто приукрасила, а на самом деле все так, как Леша мне рассказывает.

Глава 2

– Леша, – бормочу ему в губы, когда он подталкивает меня к кровати.

– Тише, не шуми, стены тонкие, – отвечает он и сбрасывает с моих плеч кофточку. – Иди сюда.

Крутанув меня, Леша садится на кровать и усаживает меня к себе на колени.

– Ты постоянно в этих джинсах, – говорит тихо, стягивая мою футболку.

– Они мне нравятся.

– Не надевай их, когда мы идем ко мне. Хочу легкий доступ. Надо было тебе лучше новое платье подарить. Мне нравится, когда ты в них. Особенно в том желтом в горошек. Невинный цыпленок.

Сжав мою грудь, Леша набрасывается на нее губами. Ласкает соски, слегка прикусывая, облизывает. А я млею в его руках. Чувствую, как по телу разносится тепло от его ласк и легкой грубости. Она как будто добавляет специй в происходящее. Леша одной рукой продолжает ласкать мою грудь, а вторую кладет на попу и подталкивает меня к себе, вжимая в свой пах. Даже через два слоя плотной джинсовой ткани я чувствую, насколько он твердый.

– Возьмешь в рот? – шепчет в мои губы, а мои щеки покрываются густым румянцем. Каждый раз, когда он разгова-

ривает так со мной, я просто сгораю со стыда. Но мне все равно нравится. Есть в этом что-то запретное. Жаркое. – Люб?

– Да, – выдыхаю ему в рот, и он глубоко и жарко целует меня.

Встаю с его бедер и стягиваю свои джинсы, слегка виляя бедрами. Ловлю на своих ногах восхищенный взгляд, пока Леша избавляется от своей одежды. Я опять краснею, когда он стягивает футболку, оголяя подкаченный торс. Прослеживаю твердый пресс, внизу которого темнеет дорожка волос, уходящая под пояс джинсов.

Он быстро сбрасывает штаны, носки и трусы. Возвращается на кровать и окидывает меня взглядом, обнимая ладонью свой твердый член.

– Трусишки снимешь? – кивает на мои бедра.

– Да, – выдыхаю тихо и стягиваю белье по ногам.

– Иди сюда, – поглаживая себя, он указывает взглядом на пол и слегка разводит ноги, чтобы я опустилась между ними на колени.

Мы всего две недели как занимаемся сексом, я только недавно лишилась девственности и еще ничего толком не умею. Но Леша хороший учитель. Он подсказывает и хвалит. Говорит, что у меня прирожденный талант доставлять ему удовольствие. Это так приятно.

Обнимаю головку губами и медленно скольжу вверх-вниз, пытаюсь приноровиться к ритму, с которым Леша продолжа-

ет себя поглаживать. Вторая его рука ложится на мой затылок и легонько подталкивает взять глубже. Я стараюсь изо всех сил. Прерываюсь, чтобы сделать вдох, а потом продолжаю. И так пока у меня не начинает затекать челюсть.

Леша укладывает меня на кровать и ложится рядом. Гладит ладонью мою щеку, спускается на шею, ласкает грудь.

– У тебя такая тонкая кожа. Почти прозрачная. Красавица моя.

Он припадает к моим губам поцелуем, а его ладонь скользит ниже. Я инстинктивно сжимаю ноги, но Леша аккуратно давит на внутреннюю сторону бедра, заставляя раздвинуть их, что я и делаю, давая доступ его пальцам к самому чувствительному месту. Шумно выдыхаю в его губы и тихонько стону, когда он начинает кружить ими и периодически нырять одним пальцем внутрь. Мои бедра приподнимаются и толкаются навстречу его движениям, а язык оглаживает его все быстрее.

Леша прерывается и с улыбкой смотрит на меня.

– Ты такая мокрая, я в шоке.

– И я, – отвечаю тихо и прячу лицо в изгибе его шеи.

Он перемещается, располагаясь у меня между ног, заставляя согнуть их в коленях и развести шире. Пристраивается у входа и медленно толкается внутрь.

– Леш, презерватив.

– У меня нет, – отвечает он сипло. – Я успею вытащить.

Я сомневаюсь ровно секунду до того, как он проталкива-

ется до упора. А потом все мои мысли окутывает туман удовольствия, когда он начинает двигаться во мне. Медленно, глубоко и так чувственно. Приятные ощущения затапливают с головой, и меня накрывает просто сумасшедший восторг. То ли от того, что я теперь чувствую себя наконец достаточно взрослой, чтобы заниматься “этим”. То ли потому, что это именно Леша – парень, по которому я сохла целый год.

Он целует и одновременно с этим двигает бедрами, вознося меня на новый уровень удовольствия. А бабочки в животе не просто порхают. Их раздувает от счастья, и они лопаются, оставляя после себя разноцветные конфетти, как в новогодних хлопушках.

Крепко обняв меня, Леша ускоряется. Он с легкостью скользит во мне, входя немного жестче. Я слышу нарастающий хрип и понимаю, что он уже почти на пике. Скоро все закончится. Зажмурившись, я впитываю каждое мгновение удовольствия. Мне так нравится то, что он вытворяет с моим телом, что я просто схожу с ума.

Еще несколько толчков, и он резко выходит из меня и, быстро скользя ладонью по члену, изливается на мой живот. Я не открываю глаза, потому что не могу смотреть на это. Слишком стыдно. Но мне нравится ощущение, когда теплая жидкость брызгает на мою остуженную потом кожу.

Тяжело дыша, Леша падает сбоку от меня. Открыв глаза, смотрю на него и улыбаюсь. Как хорошо, что сейчас день, и я могу рассмотреть все его черты. Светлые волосы, русые

ресницы, пара веснушек возле носа и красивая родинка под глазом. Мужественная челюсть и самые красивые серо-голубые глаза в мире!

Потянувшись к стулу возле кровати, Леша снимает со спинки полотенце и, повернувшись ко мне, вытирает мой живот. Бросив махровую ткань возле кровати, ложится на бок и обнимает меня. Целует в висок.

– Моя красавица и умница, – хвалит он, а я улыбаюсь. – Я для тебя все сделаю. Вот увидишь, одену тебя в шелка и золото. Куплю тебе норковую шубу и такую же шапку. Видела бы ты, что носят столичные девчонки. Я хочу, чтобы и ты так одевалась. Будешь красивее всех.

– Леш, да где же деньги взять на все это?

– Верь в меня, Люба. Посмотришь, я буду одевать тебя как королеву. Обеспечу всем. Ты у меня в хоромах будешь жить.

– Скажешь тоже, – фыркаю я. – В хоромах. С милым рай и в шалаше, – блаженно выдыхаю я.

– Если милый атташе, – со смехом добавляет он, а я легонько шлепаю его по плечу. – А вообще я тебе слово даю, Любань. Будем жить с тобой в шоколаде. Ты только верь в меня.

– Я верю. А ты не связывайся с теми подозрительными типами из соседнего района. Не нравятся они мне.

– Они просто работают вместе со мной, ничего такого. Мы не друзья. Не переживай, у меня все под контролем.

– Ладно, – выдыхаю я.

– Мамка придет через час. Повторим? – спрашивает он и наваливается на меня.

Глава 3

– М-м-м, вкусно, – прервав поцелуй, облизывается Леша, а потом снова целует. – Вкусная.

– Леш, тише, нас услышат, – шепчу, а сама чуть не визжу от радости.

– Не услышат.

– Услышат-услышат! – раздается голос дяди Вовы со второго этажа.

Мы с Лешей задираем головы и видим, как в темноте мелькает красный кончик сигареты, когда сосед затягивается.

– Блин, – пишу тихонько и опускаю голову, чувствуя, как лицо пылает.

– Идем на детскую площадку, – Леша тянет меня за руку, и я подскакиваю со скамейки у подъезда, на которой мы милоемся последние полчаса.

Мы приходим на площадку. Леша садится на карусель и сразу же тянет меня к себе на колени. Она медленно, с тихим скрипом кружится, пока мы неистово целуемся. И голова моя тоже кружится. Сознание плывет, когда Лешина ладонь ныряет мне под подол платья и гладит бедро высоко-высоко, у самой кромки трусиков.

– Моя мама завтра будет на рынке с утра и до четырех, – бормочу ему в губы. – Может, придешь ко мне?

– Завтра я уеду, Любань.

Отрываюсь от него и пытаюсь в темноте рассмотреть любимые глаза.

– Куда?

– В столицу. Я всего на два дня. Надо поработать сверхурочно. Вернусь с подарками, – он приглаживает мои волосы, заправляя выбившиеся из косы локоны за уши. Потом кладет ладонь на мою шею сбоку. – Ну чего так разволновалась?

– Да нет, – пожимаю плечами. – Просто... я буду скучать.

– И я, Любаш, – отвечает он и снова целует сладко-сладко. И голова опять кружится вместе с каруселью.

А на следующий день Леша уезжает. Только вот не на два дня, а почти на неделю.

Однажды утром, спустя пять дней после его отъезда, я просыпаюсь. Сажусь на кровати и чувствую, как подступает тошнота. Сначала легкая, а потом она усиливается. Накапывает волнами, раздирая горло. Я вскакиваю с кровати и несусь в туалет. Едва успеваю откинуть крышку и склониться над унитазом, как меня тошнит. Только позывы прекращаются, тут же повторяются. Еще и еще, пока через некоторое время наконец не стихают. Но меня все еще мутит. Все тело дрожит и голова немного кружится. Встав на ноги, хватаюсь за раковину, накрывая ладонью небольшой скотч на ней, и смотрю в зеркало. Бледная. Может, съела что-то не то? Мама вчера с рынка принесла пирожки с квашеной ка-

пустой. Неужели они?

Приведя себя в порядок, иду на кухню. Мама жарит оладушки, которые я так сильно люблю уплетать со сгущенкой. Но сегодня от запаха разогретого домашнего подсолнечного масла мутит. Я сглатываю ставший в горле ком и, схватив стакан, набираю воду и жадно пью. Выпиваю целый стакан, и мой взгляд падает на стоящую на столе ряженку. Беру картонный пакет с ней, отрезаю кончик и пью прямо из него.

– Это еще что за вандализм? – хмурится мама.

– Ох, вкусно, – выдыхаю я, возвращая пакет на стол. – Мам, а тебя не тошнит после вчерашних пирожков?

– Меня вообще не тошнит, – отвечает мама, переворачивая партию оладий, и снова смотрит на меня.

– Блин, кислого чего-то хочется.

– А тебя что, стошнило? – спрашивает она, прищурившись.

– Ага. Наверное, пирожки были все же не совсем свежие. Или масло подгоревшее.

– Люба, – медленно произносит мама.

– М? – поднимаю на нее взгляд, которым перед этим шарил по столу в поисках чего-нибудь кисленького.

– Люб, а ты со своим этим... не согрешила?

– В каком смысле? – бормочу, краснея.

– Ты спала с этим своим хулиганом? – строже спрашивает она.

Я тяжело сглатываю.

– Мам... – произношу тихо и пячусь к двери.

Она выключает печку и, бросив на стол лопатку, идет на меня. Разворачиваюсь и бегу в свою комнату, которой служит зал. Забегаю, а мама – следом за мной.

– Люба! – рывкает она так, что я, как в детстве, поджигаю задницу, чтобы по ней не прилетело тяжелой маминой рукой. Отступаю за диван, создавая между нами преграду. – Ну? Спишь с этим непутевым?

– Чего это он непутевый? Он и джинсы мне вон купил, и шубу обещал.

– Обещал он! – ругается она. – Мне тоже много кто чего обещал. Так спишь?

– Было пару раз, – бубню, опуская взгляд.

– Ну что за дура? – всплескивает мама руками. Срывает с плеча кухонное полотенце и пытается ударить меня им по заднице, но я вовремя отскакиваю. – Где твои мозги? Весь двор будет называть тебя потаскухой! А если в подоле принесешь? Что люди скажут? Как я им в глаза смотреть буду?

– Мам, да все так делают! Сейчас другое время!

– Всегда одно и то же время! Власть сменилась, люди – нет! Так что? Когда эти дни были последний раз?

Я хаотично подсчитываю в уме и чувствую, как вся кровь отливает от лица.

– Мам, – выдавливаю сипло, и вижу, как она меняется в лице. Во взгляде разочарование и ярость.

– Ну что за идиотка! – ревет она, срывая голос. – Соби-

райся, пойдем в женскую консультацию.

– Я не пойду, – быстро качаю головой. – Там мама Ленки Куравлевой работает.

– Собирайся, я сказала! Пока за косы тебя туда не отволокла! Ну дура, ну дура, – причитает она, выходя из моей комнаты.

В консультации битком. Туда-сюда снуют женщины, в основном беременные. Глядя на их животы, я задыхаюсь. Мне то жарко, то знобит. К горлу опять подкатывает тошнота и, пока мы ждем в очереди, я дважды выхожу на улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

Когда подходит наша очередь, мои ноги уже ватные, а голова плохо соображает. Врач – женщина лет пятидесяти в строгих очках с черной оправой – осматривает меня не очень нежно. Мне приходится прикусить нижнюю губу, чтобы не закричать. Она так бесцеремонно проводит осмотр, что, кажется, ковыряется даже в животе.

– Надо еще УЗИ сделать. Одевайся и давай на кушетку. Низ живота оголить, – грубо говорит она.

Я, как могу быстро, соскакиваю с ужасного кресла, натягиваю белье и топаю босиком через весь кабинет на кушетку. Мама следит за мной, как коршун, а мне приходится душиТЬ истерику, которая то и дело пытается прорваться наружу. Никогда еще меня так сильно не пугал осмотр у гинеколога.

Врач выдавливает мне на живот гель и начинает водить

датчиком.

– Беременность примерно три-четыре недели. Судя по твоим месячным, все пять. Но плод маловат.

– Господи, – выдыхает мама. – Дура, – бросает в сердцах.

– Знаете, сколько их таких? – врач скептически кривит губы. – Глотнули свободы, а теперь не знают, что с ней делать.

– В наше время такого не было, – качает головой мама.

– Думаете сильно времена изменились? Это люди меняются. И не в лучшую сторону. Каждый день по две-три вот таких, – кивает на меня, – приходит. И на аборты целая очередь. Одевайся.

Она бросает мне на живот салфетку, которая тут же прилипает к гелю. Ее недостаточно, чтобы вытереться досуха, но я не решаюсь попросить еще. Я и так готова сейчас умереть или хотя бы просто стать незаметной. Хотя на минутку, чтобы перевести дух.

Сажусь напротив врача, которая быстро заполняет карточку.

– Срок для аборта пока подходящий. Или что? Оставишь? – смотрит на меня таким взглядом, от которого мороз проникает до самых костей. – Папашка будет рад?

– Да какой там папашка? – фыркает моя мама. – Смех один. Чуть старше ее. Неблагонадежный. Бандюган какой-то.

– Он не бандюган! – осмеливаюсь спорить я, но от яростного взгляда мамы тут же затыкаюсь и смотрю на сплетенные на коленях руки.

– Конечно, аборт, – выносит мама приговор.

– Нет, пожалуйста, – всхлипываю я и смотрю на нее. – Мамочка, пожалуйста! Леша приедет. Он будет очень рад. Мы поженимся. Правда-правда. Вот посмотришь!

– Он должен был приехать несколько дней назад, – отрезает она суровую правду. – И где твой ухажер? Бросил тебя. Когда явится – непонятно.

– И явится ли вообще, – между делом бросает врач, подливая масла в огонь.

– А ребенок этот тебе всю жизнь ломает. Аборт, – кивает она врачу, а я, уронив лицо в ладони, разражаюсь рыданиями.

Глава 4

– Люб, ты бы поела, – мама заглядывает в гостиную.

– Не хочу, – шмыгаю носом, пялясь на спинку дивана. Лениво обвожу пальцем затертый узор на коричневой ткани и снова всхлипываю.

– Живот до сих пор болит, что ли?

– Болит, – отвечаю равнодушно.

– Может, таблетку какую дать?

– Не надо.

– Ладно тебе, Любань, – слышу, как мама подходит ближе, шаркая тапками по паркету. – Ну что тебя так заклонило? Ну ненадежный этот твой Леша. Вон вторую неделю не появляется. Может, прибили уже его, а ты все страдаешь. Или просто решил не возвращаться.

Я слушаю все это, сцепив зубы. Хочется наорать на маму, выгнать из комнаты. Но нельзя, поэтому слушаю, в который раз умирая внутри.

– Ну мне пора. Надо пойти на рынок, а потом на вечернюю дойку на молокозавод. Ты, Люб, поешь. Я там твои любимые оладушки пожарила.

– Спасибо, – шепчу, чтобы не разрыдаться вслух.

Оладушки теперь будут у меня ассоциироваться исключительно с болью и страданиями.

Мама уходит, а я наконец даю волю слезам. Рыдаю уже

второй день. Все лицо опухло, в носу печет, искусанные губы потрескались. А Леши все нет. Я всеми силами сопротивляюсь, чтобы не признавать мамину правоту, но игнорировать тот факт, что мой парень пропал, тоже не могу. Хоть бы позвонил. В столице наверняка тоже есть телефонные автоматы. Да и на работе точно есть хотя бы один телефон.

В дверь звонят. Я хочу проигнорировать, но трель не прекращается. Кто-то очень настойчиво давит на кнопку, так что мне приходится встать с дивана. Завернувшись в мамин байковый халат, плетусь в прихожую. В зеркало даже не заглядываю, и так знаю, что страшная. Бледная, растрепанная, зареванная. Не глядя в глазок, открываю дверь и шумно выдыхаю:

– Леша.

Бросаюсь к нему на шею, он тут же обнимает меня за талию и затаскивает в квартиру, закрывая дверь.

– Люб, ты чего? Да погоди! Что с лицом? – он отрывает от себя мои руки и, взяв лицо в ладони, внимательно осматривает. – Случилось чего? С мамкой что-то?

– Нет, – качаю головой. – Ле-е-еша, – начинаю реветь, снова повиснув у него на шее.

Слышу, как на тумбочку опускается шуршащий пакет, потом Леша сбрасывает свои кроссовки и идет вместе со мной в гостиную. Садится на диван и усаживает меня к себе на колени. Гладит меня по спине и волосам, ждет, пока пройдет моя истерика. А, когда я немного успокаиваюсь, осознаю,

что вот он – Леша. Что никуда не делся, и мы могли бы быть счастливы, если бы... Если бы я не совершила ужасную ошибку! Тогда я снова начинаю рыдать, захлебываясь своим горем.

– Пиздец какой-то. Люб, умер кто-то? – пытается он меня. – Мамка?

– Не-е-ет, – тяну я. – Да-а-а. Я его убила.

– Ого. Кого убила?

– Ребенка-а-а.

– Какого ребенка, Люб? – взяв за плечи, встряхивает меня Леша, и я смотрю в его бездонные глаза. – Ну? Расскажи нормально. Ты убила кого-то?

– Нашего ребенка, – тяну, продолжая подвывать.

– Да что ж такое! – сердится он. Пересаживает меня на диван, а сам вскакивает и нервно меряет шагами комнату. – Объясни нормально! Какого ребенка ты там убила?!

– Нашего, – отвечаю, утирая слезы, но все бесполезно, новые горячие дорожки покрывают мои щеки. – Я была беременна.

Поднимаю взгляд, а Леша замирает посреди комнаты.

– Когда? – слегка севшим голосом спрашивает он.

– Выяснилось, пока тебя не было.

– Так. Дальше.

– А дальше мама повела меня к врачу. Осмотрели. А потом... – я опять захожусь рыданиями, но быстро успокаиваюсь. – Потом мама отвела на аборт.

– Ты... избавилась от нашего ребенка? – вкрадчивым голосом спрашивает Леша, а я молча киваю. – Как?! – ревет он. – Люба, как ты могла так поступить?!

– Ты... хотел этого ребенка? – всхлипываю я, а потом вскакиваю с дивана. – Тогда почему пропал?! Ты сказал, что уехал всего на два дня, а не было тебя все десять! И даже не позвонил! Я не знала, что с тобой!

– Ты должна была ждать! – орет так, что мои внутренности содрогаются. – А если бы я в армию ушел?! Ты бы тоже вот так просто избавилась от нашего ребенка?! Я же говорил, что люблю тебя! Неужели думаешь, что я бы повел тебя на аборт?!

– Я не могла ждать! Тебя не было, и я не знала, вернешься ли ты! Это позор, понимаешь?!

– Позор – родить от меня ребенка?! – взрывается он. – Да пошла ты!

Разворачивается и быстро идет на выход из квартиры. Я с рыданиями бросаюсь следом. Хватаю его за руку, за футболку, но он отпихивает меня, как надоедливую котенка.

– Леша! Лешенька, пожалуйста! – прошу я, снова хватаюсь за него, пока он натягивает кроссовки. – Прошу тебя, не уходи! Мне так... Я не знаю, как так получилось! Я же не знала, вернешься ли ты...

– Отвали, – легонько отталкивает меня и, распахнув дверь, вылетает в подъезд.

Я съезжаю по стенке и, спрятав лицо в ладонях, рыдаю.

Слышу его торопливые шаги по лестнице. И, чем быстрее они удаляются, тем громче становятся мой рев. На меня накатывает то отчаяние, то ярость. Я луплю по захлопнувшейся двери, а потом, встав по стеночке, возвращаюсь в гостиную. Падаю на колени рядом с диваном и, уткнувшись лбом в потрепанную обшивку, продолжаю захлебываться своим горем.

Сначала мама заставила меня избавиться от ребенка, теперь вот Леша меня бросил. Он же никогда не вернется! Я ведь помню, как он говорил о том, что мы поженимся совсем скоро. Значит, он хотел этого ребенка. Но тут же в голову приходят мысли о том, что его не было полторы недели, и я не знала, что с ним. Тогда я начинаю злиться. Бросаюсь всем, что попадает под руку. Одеяло, подушка, срываю простыню с дивана, сметаю с табуретки стоящую на ней чашку с водой. Она разбивается, а вода растекается по потертому старому паркету.

Кричу. Громко, протяжно, с истерикой. Мне плевать, услышат ли меня соседи. Кусаю обшивку дивана и бью по нему кулаками, выплескивая всю ярость.

Спустя полчаса обессиленная и совершенно вымотанная сворачиваюсь клубочком на диване и тихонько всхлипываю. Слез уже нет, я все выплакала. Только дышать пока еще тяжело. И надо как-то заставить себя принять то, что теперь у меня не будет ни Леша, ни ребенка от него.

Глава 5

Вечером я сижу и тупо смотрю в окно. На улице уже темнеет, но я не замечаю красоту закатного солнца, а еще меньше стараюсь замечать веселый смех ребятни, резвящейся на детской площадке. Боль внутри меня притупилась, теперь она лишь звенит фоновым шумом. Голова гудит от боли, а низ живота тянет. Подперев подбородок ладонью, я пялюсь в пространство невидящим взглядом.

– Любань, я супчик сварила, – слышу за спиной.

– Спасибо, я не хочу, – отвечаю механическим голосом.

– Доця, ну не убивайся ты так. Знаешь, сколько аборт делают женщины за свою жизнь? Я вон аж три сделала. И ничего, живая.

Я поворачиваюсь лицом к ней и смотрю без единой эмоции. У меня нет ненависти к маме. Я ее даже понимаю. Она беспокоится о своем ребенке. Но пока моя собственная боль сильнее понимания и сострадания.

– Ладно, – вздыхает мама. – Я пойду к себе. А ты это... поешь, ладно?

– Потом, – шепчу я и снова отворачиваюсь в окно.

Когда же наступит полное отупение? Когда я перестану ощущать внутри себя этот огненный сдавливающий шар, обжигающий мои внутренности?

Остаток вечера я живу на автомате. Маме даже удастся

затолкать в меня одну поварешку супа и чашку чая. Приняв душ, я переодеваюсь в теплую пижаму, потому что меня знобит. Забираюсь под одеяло и смотрю с мамой новости. Телевизор стоит в моей комнате, так что я не могу попросить маму выключить его и оставить меня одну. Приходится терпеть.

Ближе к десяти вечера раздается звонок в дверь. Мое сердце нервно дергается, но я не двигаюсь с места.

– Кого это принесло в такой час? – бурчит мама и идет в коридор. Я сажусь на диване, спустив ноги на пол. Внутри так грохочет, что я едва слышу, как мама поворачивает замок и приоткрывает дверь, оставляя ту держаться на цепочке. – Чего тебе?

– Мне Люба нужна, – слышу голос Леши.

Вскакиваю. Потом снова сажусь. И опять встаю.

Я не знаю, как себя вести. Хочется броситься в его объятия и просить прощения за то, что сделала с нашим ребенком. Но в то же время и наказать за то, что не давал о себе знать почти две недели. Он заслужил это наказание, но как же мне хочется выплакаться на его плече! Чтобы пожалел меня, понял, приласкал и пообещал, что все будет хорошо.

– Спит она, – отрезает мама.

– Так разбудите. Теть Даш, я ж люблю ее.

– Ты пьяный, что ли?

– Выпил немного. Мы поругались, я расстроился.

– А она не расстроилась? – ругается мама. – Довел девоч-

ку, не ест ничего.

– Как не ест?

– Никак не ест!

– Пустите, тетя Даш.

– Вот несчастье, – вздыхает она. – Иди уже. Обувь сними!

Через секунду дверь в гостиную распахивается, и в нее влетает Леша. Я подскакиваю на ноги. Даже не заметила, когда снова опустилась на диван.

Он подбегает ко мне и сметает в свои объятия.

– Любка, я так тебя люблю, – бормочет мне в шею, и я слышу, как мама тихо закрывает дверь в комнату. – Прости меня. Я debil. Конченный debil. Надо было тебе позвонить. И не кричать на тебя сегодня. Ты не виновата, я во всем виноват. Прости меня.

– Леша, – всхлипываю я.

Говорить что-то просто нет ни сил, ни желания. Мы медленно опускаемся на пол. Сплетаемся в тесных объятиях и сидим так целую вечность. В голове совершенно пусто. И только сердце прожигает сожаление о том, что случилось. Услужливая память подкидывает воспоминания о пережитых позоре и боли. А фантазия рисует, как все могло бы повернуться, будь Леша здесь или хотя бы если бы я знала, что с ним все хорошо, и он будет рад этому малышу. От этого дыра в груди разрастается. Леша пытается залечить ее своими руками и поцелуями, но пока помогает плохо.

– Ты моя девочка, – бормочет он, покрывая поцелуями

мое лицо. – Моя маленькая. Я скоро заберу тебя у мамки. Женюсь на тебе и увезу. Будем жить отдельно и сами решать, рожать тебе детей или нет. Мы уже взрослые, хватит ждать одобрения от старших. Ну же, прекращай плакать. Хватит, Любань. Знаешь, как мы заживем?

Он перемещается на мои губы, потом ниже по скуле на шею, а потом начинает расстегивать пуговицы моей пижамы.

– Леш, ты что делаешь? – наконец отмираю я. – С ума сошел?

– Я так хочу тебя, Люба, – бормочет, пытаясь убрать мои пальцы, которые сжимают полы пижамы.

– Прекрати! – рывкаю на него шепотом. – Мне нельзя! К тому же мама дома. Совсем ненормальный.

– Фу-у-ух, – выдыхает он и садится сбоку, прижимаясь спиной к дивану. Проводит рукой по коротким волосам и, откинув голову, закрывает глаза. Согнув ноги в коленях, складывает на них руки и сплетает пальцы. – Крышу сорвало, извини. Бухнул немного, вот и понесло.

Я тоже прижимаюсь к дивану спиной и, положив на подушку голову, смотрю на профиль Лешки.

– Где ты был?

Он поворачивается лицом ко мне и тоже смотрит в глаза. Цвета на его лице сменяются по мере смены картинки изображения в телевизоре.

– Да с пацанами в гараже зависали.

– Не сейчас. Тогда, когда тебя не было десять дней. Где

ты пропадал?

– В столице.

– Это я поняла. Ты ведь не на стройке был.

– Подшабашил немного.

– С Лиховскими?

– Нет. Я же сказал, у меня с ними никаких дел нет.

– А с кем есть?

– Люб, что за допрос? Мы в ментуре? – хмыкает он горько.

– Ты в милиции был? – мои глаза расширяются от догадки.

– Че мне там делать? Нет. Сказал же: подшабашил.

– Не хочешь рассказывать.

– Любань, ну зачем оно тебе? Я вон подарки тебе привез.

– Мама сказала, что там плеер и наушники.

– Ага, – улыбается Леша.

– Леш, пообещай, что ты не будешь ввязываться ни в какие опасные дела. Нам хватит и того, что мы вместе зарабатываем.

– Люб, да какие дела? Я на стройке работаю. А в ту поездку просто еще вагоны разгружал по ночам. Днем стройка, ночью – вагоны. Спал по три часа. Поэтому не звонил.

– А что сразу не сказал?

– Так ну это... стыдно было. Типа это ж не престижно.

– Да кому какое дело до престижа, Леш? Мне главное знать, что ты жив.

– А что со мной сделается?

– Забыл про Ваньку Рокотова? – напоминаю про его друга, который связался с бандитами, а потом его собирали по частям по ближайшим лесопосадкам.

– Та не забыл, – бормочет он. – Люб?

– М?

– А я люблю тебя.

– И я люблю тебя, Леш.

Он манит меня, и я подаюсь вперед, чтобы наши губы соприкоснулись.

– У нас же все нормально? – спрашивает он за секунду до поцелуя.

– Да, – выдыхаю и наконец целую.

Глава 6

– Давай, Любань, опоздаем.

Я быстро взбегаю по ступенькам, а Леша хватается меня за руку и тянет, чтобы я ускорила шаг. Бросаю взгляд на вывеску и густо краснею. Какой кошмар! Если бы мама узнала, что я иду посмотреть “Основной инстинкт”, она бы, как минимум, отчитала меня. Про этот фильм уже только ленивый не говорил. Никто не упоминает сюжет, все обсуждают только эротические сцены.

Мы забегаем в кинозал уже когда гаснет свет. Наощупь пробираемся к своим местам, сто раз извинившись за то, что потревожили остальных зрителей.

В зале битком, и я радуюсь, что здесь темно, потому что мои щеки все еще горят. Фильм начинается прямо с эротической сцены. Когда женщина привязывает руки мужчины к кровати, я замираю. Все мышцы в теле напрягаются, а между ног ноет, когда она извивается на нем. Рука Леша ложится мне на колено и слегка сжимает его, усиливая ощущения. А потом замирает, когда женщина вонзает в шею мужчины длинный острый предмет.

Остаток фильма я сижу в напряжении. Эмоции сменяют друг друга. Я то возбуждаюсь, то в ужасе вскрикиваю, то восхищаюсь героиней, которая так умело крутит сознанием мужчин. Из кинотеатра мы выходим под огромным впечат-

лением. После десятков добрых фильмов о фермерах и ставарах этот становится глотком свежего воздуха.

– Хочу тебя, – бормочет Леша мне на ухо и, схватив меня за руку, тащит в сторону парка.

– Куда мы идем? – смеюсь нервно, потому что и сама на взводе. На самом деле мне плевать, куда он ведет меня, только бы оказаться с ним наедине.

Забежав в парк, мы направляемся в его глухую часть, которая переходит в лесопосадку. Осмотревшись, Леша заталкивает меня за три сросшиеся дерева и набрасывается на меня с поцелуем. Жадным и голодным. Его руки шарят по моему телу. Сминают грудь, попку, пробираются под подол платья. Потом он стягивает мои трусики до колен и, развернув меня лицом к дереву, гремит поясом джинсов. Я слышу, как он рвет упаковку презерватива. Леша дышит так же тяжело, как и я. Торопится удовлетворить наше общее желание.

Слегка разведя мои ноги так, что трусики на коленках натягиваются, он медленно входит в меня. Двигается сначала размеренно, проталкиваясь все глубже, пока не проникает до конца. Мы оба шумно выдыхаем. Из меня вырывается тихий стон.

– Ш-ш-ш, – шипит мне на ухо и закрывает рот ладонью, начиная разгоняться.

Его толчки резкие, порывистые. Он долбит в одну точку, от которой удовольствие искрами разлетается в разные стороны, заставляя ноги дрожать. Пальцы, вцепившись в кору

дерева, отрывают кусочек. Отбрасываю его и возвращаю руку, потому что без поддержки рискую угодить лицом в дерево, так быстро Леша берет меня. Обняв рукой за талию, он продолжает ускоряться, а я крепко зажмуриваюсь, мыча ему в ладонь. Еще несколько толчков – и все заканчивается моим стоном и его рычанием мне на ухо. Леша легонько прикусывает изгиб между шеей и плечом, а потом аккуратно покидает мое тело.

Я разворачиваюсь с улыбкой на губах. Он заправляет член в трусы и бросает презерватив куда-то в кусты. Достает из кармана платочек и протягивает его мне, чтобы вытерлась. Краснея, я дрожащими руками вытираю промежность и быстро натягиваю трусики. Возвращаю Леше платочек, и он прижимает меня к стволу дерева, глубоко целуя.

– Вот это да, – выдыхаю я, пьяная от наслаждения.

– Пойдем? Пацаны сегодня в гаражах шашлыки жарят.

– Идем.

Взяв меня за руку, Леша выглядывает из-за дерева и резко подается назад.

– Что такое? – шепчу я.

– Погоди, там люди.

Я тихонько хихикаю, пряча улыбку в ладошке. Чувствую себя такой... раскованной. Свободной. Эта свобода кружит голову и совершенно выключает тумблер, отвечающий за мораль. Хорошо хоть Леша не теряет голову, в отличие от меня.

Наконец он кивает и выводит меня из-за деревьев. Мы быстро перемещаемся к парковой дорожке и выходим на нее, как будто прогуливались тут и пять минут назад.

– Видел, за кинотеатром открылся салон игровых автоматов? – спрашиваю, когда мы выходим на проспект и идем в направлении своего района.

– Ага.

– Хочу завтра попробовать устроиться туда работать.

– С таким контингентом тебе там не место, – говорит Леша. Я хмурюсь, а он касается пальцем кончика моего носа и улыбается. – Ты же у меня нежная ромашка, а там отребье всякое.

– Леш, ну мне нужны деньги, а на рынок я не хочу. Как подумаю о том, какво стоять там в холоде зимой, аж мороз по коже.

– Не надо на рынок. Иди в магазин, в ДК, в кинотеатр. Куда угодно, но не в игровые. И вообще. Я тебе и так денег дам.

– Да каких денег ты дашь? А маме твоей кто помогать будет?

– И ей буду помогать. Оставь это мне, Люб. Ты это... просто красивой будь, а я заработаю для нас.

– Нет, я все же хочу работать.

– Ладно, – нехотя соглашается он. – Только не в игровых, – повторяет.

– Да поняла я уже.

Покинув центр, мы заходим в свой район, в котором намного тише и спокойнее. Здесь знакома каждая улица, каждый переулок. А вот те гаражи, нестройными рядами выстроенные во дворах высоток, – это вообще места детства. Там все исхожено и исследовано.

Слегка отодвинув покосившуюся створку старых ржавых ворот, мы заходим в гаражный кооператив. Не знаю, для чего они тут до сих пор висят. Все и так знают, что попасть на территорию кооператива можно, не напрягаясь. Может, от бродячих собак защищают. Стайка таких как раз летит нам навстречу, но мы с Лешей не боимся. Это свои, знакомые, которых мы подкармливаем еще со времен, когда они были щенками.

С другого конца кооператива доносится “Дым сигарет с ментолом”. Внутри что-то екает. Так люблю эту песню. Под нее хочется то плакать, то обниматься с Лешей. Но чаще – танцевать, хоть мой любимый никогда не танцует. Девчонки нестройным хором подпевают “Нэнси”, а я улыбаюсь.

– Ого, да тут целая компания, – радостно произношу я, сжимая ладонь Леши.

– Ага. Только нас не хватает.

Леша подхватывает меня за талию и кружит. Не в такт музыке, а просто так, но я представляю себе, что это мы так танцуем, и смеюсь, обняв его за плечи. И мне кажется, это счастье будет длиться вечно. Сердце просто не может вобрать всю ту любовь и весь восторг, который я испытываю в эту се-

кунду. От того, что Леша кружит меня, смеется, целует мои улыбающиеся губы. От пьянящего запаха свободы и шашлыков. От звука смеха друзей и не попадающих в ноты подруг, которые громко и фальшиво выводят “Хоть не люблю, но целую, а когда я ее обнимаа-а-аю...” Моя голова кружится, а сердце переполняет любовь к жизни. И пусть будущее смутно, туманно и тревожно, здесь и сейчас я счастлива как никогда раньше.

Глава 7

– А ты в курсе, что твой Лешка связался с рэкетирами и ездит в столицу лохов разводить? – Юлька надувает большой розовый пузырь из жвачки, он лопается, залепляя ее губы. Я чувствую фруктовый запах и смотрю, как она зубами счищает остатки с губ.

– С чего ты взяла? Он на стройке работает.

– Ой, наивная ты, Любка, – вздыхает подруга. – На стройке не заработаешь на все те подарки, что он тебе таскает.

– Кто тебе такое сказал? Про то, что он связался с рэкетирами? Врут ведь.

– Не врут, Люб. Это Лешик тебе твой врет, а ты и рада верить, потому что получаешь от этого выгоду.

– Юль, он мне не врет, – произношу так твердо, как могу, потому что ее слова сеют во мне зерно сомнения.

– Ну-ну, – философски изрекает она и снова надувает пузырь.

– Перерыв закончен, – рявкает за нашими спинами Клавдия Степановна, и мы с Юлькой встаем с раздолбанной скамейки.

Три дня назад мы с подругой устроились на работу на овощебазу. Перебираем овощи и фрукты, раскладываем по ящикам, отсеивая некондицию. Зарплата такая себе, но можно забирать овощи, которые не годятся на продажу. Это не

всегда гнилье, чаще просто продукты нетоварного вида. Так что нам с Юлькой и двумя другими девочками много чего остается. Часть мама продала на рынке вчера, а часть мы пустили на еду. На выходных будем даже консервировать.

Возвращаемся к работе, болтая обо всем на свете. От предстоящей на выходных дискотеки – до нового киоска на рынке, где продаются только импортные товары. Владелица постоянно челночит и привозит из Польши и Турции самые крутые товары.

– Говорят, у нее очередь выстраивается еще перед домом, когда она только приезжает.

– Это типа она из дома тоже торгует? – спрашивает Галя, одна из наших коллег.

– Ага, – отвечает Юлька, бросая пару луковиц в ящик и засовывая руку в мешок за новыми. – Узнать бы, где живет.

– Да там цены, наверное, – качает головой Галя. – Надо сначала в ее киоске прицениться, а потом уже идти домой. Говорят, она “Мальвины” продает втридорога.

Девочки продолжают болтать, а я, услышав про “Мальвины”, возвращаюсь мыслями к Леше. Ну не может он действовать так опрометчиво. Знает же, насколько опасна вся эта незаконная деятельность! Неужели встрянет в такое? Да нет, не мог он. Сказал же, что по ночам разгружает вагоны.

Эх, Люба, как тебе не стыдно? Твой парень старается ради вашего будущего, а ты подозреваешь его в нелегальной деятельности.

Вечером я бреду вдоль дома, едва переставляя ноги. В руках два пакета с фруктами и овощами. Поднимаю голову и возле своего подъезда вижу Лешу. Он о чем-то переговаривается с сидящими на скамейке старушками, а потом, словно почувствовав мой взгляд, оборачивается. Срывается с места и подбегает ко мне, забирает пакеты из рук.

– Что ж ты тяжести такие таскаешь? – спрашивает он, а я улыбаюсь. Заботливый мой.

– А ты почему так рано? – спрашиваю, когда мы двигаемся к моему подъезду.

– Получилось сегодня раньше освободиться.

– Здравствуйте, – здороваюсь, проходя мимо старушек.

– Здравствуй, Люба, – отвечают они, оценивающе глядя на пакеты.

Мы поднимаемся в мою квартиру, и Леша ставит пакеты в прихожей.

– Мам! – зову, но в ответ тишина.

Разувшись, прохожу на кухню и вижу на столе записку: “Я ушла на молокозавод, буду к семи”.

– Что там? – спрашивает Леша, водружая пакеты на стол.

– Мама на молокозаводе.

– Так мы одни дома, – говорит он игривым голосом и обнимает меня за талию. – Чем займемся?

– Поговорим? – предлагаю я.

– Потом – обязательно, а сейчас иди сюда, – бормочет он и впивается в мои губы поцелуем.

Наш секс быстрый и суматошный, как будто мы куда-то спешим, хотя до маминого возвращения еще полтора часа. Но я спешу поговорить с Лешей, поэтому поторапливаю и его.

– Что такое, Люб? – бормочет он, когда я заставляю его скатиться с меня на кровать. – Случилось что?

– Просто хочу попробовать сверху, – бормочу ему в губы. Целую, а он медленно опускает меня на себя. Двигаю бедрами, устраиваясь и пытаюсь поймать ритм. Но мы оба не попадаем. Когда я пытаюсь насадиться на него, Леша отступает.

– Да что такое? – психую я, а потом улыбаюсь. – Лежи спокойно.

Он тоже улыбается и закидывает руки за голову.

– Не шевелюсь, – произносит он. – Давай сама.

Снова опускаюсь и поднимаюсь. Ловлю ритм и понемногу начинаю ускоряться.

– О, – вылетает из меня удивленно. В этой позе совсем другие ощущения.

– О? – переспрашивает со смешком Леша и кладет руки мне на бедра.

– Да, – выдыхаю и, прикрыв глаза, двигаю бедрами вперед-назад, скользя по его члену. – Хорошо, – сипло добавляю я.

Упираюсь ладонями в его грудь и ускоряюсь еще немного, а потом еще, пока моя езда не превращается в бешеные

скачки.

– Люб, притормози. Медленнее. Я почти. Замедлись, – просит он сдавленным голосом, но я не слушаюсь, и через секунду Леша кончает.

Я падаю ему на грудь, приподнимаю бедра, чтобы он выскользнул из меня, а потом скатываюсь ему под бок. Мы медленно целуемся, ласково тремса носами. Я щурюсь от удовольствия.

– Нам надо одеться, – наконец произносит Леша. – Скоро мамка твоя придет, а мы тут в непотребном виде.

– Ты прав, – стону тихонько. Мне так не хочется вылезать из его объятий. В них уютно и тепло. Как же хочется прямо так и уснуть!

Но Леша правильно говорит, так что мы поднимаемся и начинаем одеваться.

– Леш, мне сказали, что ты спутался с рэкетирами, – решаюсь произнести то, что тревожит меня почти целый день.

– Кто сказал?

– Юлька. Ей кто-то ляпнул.

– Вот именно, что ляпнул. И ты поверила?

– Я никому, кроме тебя, не верю. Знаю, что ты скажешь правду. Скажешь ведь?

– Да уже говорю, Люб, – произносит он, садясь на кровать и натягивая носки. – Я работаю на стройке, а по ночам разгружаю вагоны. Хочу как можно скорее перевезти тебя в столицу. Может, учиться пойдешь. Профессию получишь и

будешь на нормальной работе работать. Ходить на каблуках в офис, губы красить. А не вот это.

Он протягивает руки и, взяв мои, целует ладони, истыканные занозами и с первыми мозолями.

– Твое место где-нибудь в кабинете. Или в детском саду. Ты была бы классной воспиткой. Ты ж любишь детей.

– Люблю, – улыбаюсь, глядя в его светящиеся глаза.

– Значит, решено. Еще немного подзаработаю, чтобы снять нам комнату в общежитии, например, и переедем в столицу.

Леша шире расставляет ноги, притягивает меня к себе за талию и упирается лицом мне в живот. Целует через ткань шорт, а потом выше – голую кожу. Я улыбаюсь, представляя себе, как изменится наша жизнь, когда мы переедем в столицу.

И она меняется. Только переехать я не успеваю.

Спустя две недели в субботу, когда мы с мамой занимаемся консервацией, ко мне приходит Юля. Я открываю дверь и впускаю подругу.

– Ты вовремя, pomoжешь с острым перцем. Не могу уже его чистить. Заходи.

– Люб, я на минутку, – отвечает она серьезно.

Я уже развернулась, чтобы идти на кухню, но поворачиваюсь к подруге лицом.

– Ты бледная, – замечаю только сейчас.

– Люб, Лешку твоего убили.

Как только она произносит это, в ушах начинается противный шум со свистом. Юля еще что-то говорит, но я ее не слышу. Она испуганно бросается ко мне, когда я начинаю оседать на пол. А дальше лишь чернота, я ничего не помню.

Глава 8

– Господи! – слышу голос мамы где-то далеко, как будто через тоннель. – Юля, что случилось? Люба!

Меня поднимают под руки и ведут в комнату. Усаживают на скрипучий диван. Подкладывают под спину подушки. Дают воды, брызгают ею в лицо. Я даже не щурюсь. Ни один мускул не дергается на лице. Я будто онемела.

– Теть Даш, Лешку Аверкиева убили, – говорит Юлька, и каждый произнесенный ею звук режет мой слух. Как будто она проводит ножом по металлу.

– Да иди ты, – выдыхает мама.

– Ага. Сейчас Тараса Морозова встретила. Хотел идти сюда, но я решила, что сама расскажу.

– А как убили? Кто? – спрашивает мама, и я перевожу на подругу мутный взгляд.

Слезы струятся по щекам, а внутри бьется истерика. Я медленно качаю головой. Не может быть. Тарас соврал. Не могли его убить. Мы же собирались переезжать в столицу. Я бы учиться пошла. Леша так хочет. Или хотел?.. Всхлипываю.

– Он с бандитами связался, – бросив на меня взгляд, говорит Юлька. – С Лиховскими. Знаете таких?

– Слышала что-то болтали на молокозаводе. И что? Это они его?

– Да нет. Он с ними рэкетом занимался. Тарас говорит, он вроде кому-то из столицы дорогу перешел, и они его того... в общем, даже тела нет.

– Ой, мамочки, – судорожно вздыхает моя мама. – А я говорила тебе, – обращается ко мне. – Ненадежный он. И хорошо, что... ай, ладно. Любань, ну ты так не убивайся, – она садится рядом и обнимает меня за плечи. Хочется оттолкнуть ее, но все тело налито свинцом, и я просто не могу сдвинуться с места.

– Я это... пойду, – говорит Юлька. Присаживается на корточки и сжимает мои ладони. – Мне жаль, Люб. Я тебя предупреждала. Прости, не могу остаться, надо к бабке в село мотнуться с отцом.

Киваю, желая, чтобы все оставили меня в покое. В голове сумятица, сердце протестует, но ноет так, как будто все сказанное Юлькой правда.

Я сижу так еще некоторое время. Мама уговаривает, ругает, приказывает прийти в себя, уходит, приходит, а я все еще сижу. Когда онемевшие конечности наконец немного теплеют, я вскакиваю с дивана и начинаю быстро переодеваться.

– Ты куда? – мама встает на входе в комнату.

– К Тарасу.

– Зачем? Я тебя никуда не пущу!

– Имею право! – выкрикиваю я. – Мне уже восемнадцать.

Так что могу приходить и уходить, когда хочу.

Я никогда не разговаривала с мамой в таком тоне. Но ес-

ли она сейчас не выпустит меня, то я... что-нибудь сделаю. Плохое. Видимо, она понимает это, так что отступает, когда я протискиваюсь мимо и запрыгиваю в новенькие кроссовки, которые мне пару дней назад подарил Леша. От мыслей о нем внутри все сжимается.

Выпрямляюсь и смотрю на маму.

– Прости, мам, – всхлипываю. – Мне надо.

– Иди, – со вздохом кивает она, и я выбегаю за дверь.

И с этого момента ближайшие дни превращаются в бесконечную беготню. Сначала к Тарасу, который толком ничего не знает, только то, что рассказали Лиховские. Потом – домой к Леше, но там никого нет. Дальше я решаюсь на отчаянный шаг и мчусь в район Лиховских. Не самое лучшее место, тем более, для девочки из соседнего района. Но кто меня сейчас остановит? Даже если начать убивать, будет не так больно, как от понимания, что Леша, возможно, уже нет на этом свете.

К дому, на который указал Тарас, прибегаю уже около семи вечера. Поднимаюсь на третий этаж и звоню в дверь. Ее открывает какой-то алкаш в трениках с вытянутыми коленями и майке-алкоголичке с серыми пятнами на выпуклом животе.

– О, какая, – цыкает он. – Ко мне?

– Мне нужен Артур.

– Артур ей нужен, – окидывая меня оценивающим сальным взглядом, он медленно доходит до лица. – Кукла прям.

Нет Артура. Может, я сгложусь?

– А где его найти?

– Да чего ты трясешься так вся? Дебил мой ребенка тебе часом не заделал?

– Где его найти? – повторяю вопрос.

– В гаражах через два дома, – кивает вправо.

– Спасибо, – бросаю и снова сбегая по ступенькам.

До гаражей несусь и даже ускоряюсь, когда какая-то шпана на площадке возле соседнего дома начинает мне “кысать”. Уроды малолетние.

В гаражный кооператив влетаю, едва дыша. Здесь довольно много людей. Мужчины загоняют и выгоняют свои машины, какие-то парни копаются в мотоцикле, негромко что-то обсуждая. Я подхожу к ним, потому что не знаю, как выглядит этот Артур.

– Ух ты, какая конфета, – поднимает голову один из них и окидывает меня взглядом не лучше, чем тот алкаш.

– Ты Артур? – игнорирую его тупой подкат.

– Нет. Но для тебя побуду им. – Он выпрямляется и вытирает грязные руки о не менее грязную тряпку.

– Для мамы своей побудешь, – слышу голос справа и оборачиваюсь.

Пока смотрю, как приближаются трое парней, понимаю, что они буквально зажимают меня между собой и теми, у мотоцикла. Сердце срывается в галоп, и я начинаю дрожать от страха, окидывая испуганным взглядом всех по очереди.

– Ты кто такая? – спрашивает этот наглец. – Такая красивая, и без охраны в нашем райском саду, – он указывает на наполовину высохший куст, растущий между гаражами. Его поделники смеются, а я сжимаюсь еще сильнее.

– Я ищу Лешу Аверкиева.

Улыбка за секунду слетает с его лица, и он прищуривается, внимательнее всматриваясь в мое.

– Иди домой, – сухо отрезает он.

– Куда домой, Арчи? – стонет один из тех, кто стоит у мотоцикла. – Смотри какая...

– Завали ебало, – говорит он ему, но смотрит на меня. – Вали, – а это уже мне. И кивок. Его друзья расступаются, чтобы пропустить меня, но я как будто выросла ногами в землю.

– Ты что-то знаешь? – спрашиваю, задыхаясь. – Если знаешь, скажи. Где его искать? Он пропал, и мне сказали, что...

Он скрипит зубами и недовольно поджимает губы, а потом хватает меня под локоть и тащит на выход с гаражного кооператива.

– Арчи, не жадничай! – раздается нам в спины. – Дай и нам кусочек!

Я слышу смех и еще какие-то непристойности, но уже не обращаю внимания.

– Артур, что с ним? – спрашиваю дрожащим голосом. – Скажи. Пожалуйста. Мне нужно знать. Ты же что-то знаешь.

– Ни хера я не знаю, – огрызается он.

– Но это же ты сказал Тарасу.

– Услышал, вот и сказал.

– От кого услышал?

Он дергает меня, толкая вперед за пределы кооператива, и останавливается напротив.

– Не разнюхивай тут, ясно? Не знаю я, что с ним. Услышал слух, вот и передал Тарасу. А теперь проваливай. Если останешься тут до темна, не факт, что живой уйдешь. Вали давай.

Еще раз заглянув в холодные глаза, разворачиваюсь и плетусь в свой район. Куда еще идти? Единственная ниточка, которая у меня была, только что оборвалась. Дохожу до детской площадки и слышу улюлюканье. Поднимаю голову, и в этот момент мне дорогу перерезают два подростка.

– Эй, красивая... – начинает один, а потом я слышу пронзительный свист и голос Артура:

– Тронете ее, глаза на жопу натяну! Рассосались!

Поворачиваю голову. Он стоит, прислонившись плечом к стойке, на которой когда-то висели ворота в кооператив, и глубоко затягивается сигаретой. Разворачиваюсь и вижу, что подростки уже снова сидят на площадке всей своей быдловатой стайкой, поглядывая на меня исподлобья.

Пройдя мимо них, немного ускоряясь, чтобы как можно скорее оказаться в своем районе. А там сажусь на такую же ржавую карусель, на которой сидело подрастающее хулиганье, и качаюсь из стороны в стороны, прислушиваясь к прон-

зительному скрипу. Неужели это конец? Неужели Леша на самом деле... Роняю лицо в ладони и захожусь рыданиями.

Глава 9

– Я не знаю, что делать, Тарас, – говорю, утирая слезы. Он стоит в дверном проеме своей квартиры и смотрит на меня с сочувствием.

– Я тоже не знаю, Люб. Правда. Я тебе рассказал то, что услышал от Артура. Больше у меня никакой информации нет.

– Может, еще кто-то что-то знает?

– Васька знает адрес его брата в столице. Может, съездить туда? Там как раз и мамка Лехи. Хер его знает, вдруг, у них есть какая-то информация.

Голова гудит. Я не сплю уже вторые сутки. Оббегала всех знакомых, пыталась опять податься к Лиховским, но меня отшили. Точнее, даже в район не пустили. Те два пацана, что были с Артуром. Хмуро сказали, что тут никто ничего не знает, и предложили убраться подобра-поздорову, пока не отхватила неприятностей на свою “прелестную попку”.

– Спасибо, – киваю Тарасу и, развернувшись, сбегая по ступенькам.

Несусь мимо двух многоэтажек и забегаю в третью. Поднимаюсь на пятый этаж без лифта, который в этом доме не работает уже, кажется, целую вечность. Добегаю до нужной двери и, задыхаясь, жму на звонок. Ее открывает баба Глаша – бабушка Васи.

– Любочка, здравствуй, детка.

– Здрасьте, баб Глаш. А Вася дома?

– Дома, – она внимательнее всматривается в мое лицо. –

У тебя случилось что-то?

– Можете позвать его, пожалуйста?

– Так зайди, он в комнате.

– Я всего на минутку. Позовите, пожалуйста.

– Ладно, – отвечает она задумчиво, но шаркает тапками до комнаты Васи.

– Вась, там Люба Лаврова пришла к тебе. Говорит, на минутку. Заплаканная. Это ты обидел?

– Не я, ба. Все нормально. – Через секунду в коридоре показывается Вася – еще один друг моего Леши. – Привет.

Он выходит в подъезд и прикрывает дверь квартиры, прижавшись к ней спиной.

– Привет. Вась, Тарас сказал, что у тебя есть адрес брата Леши в столице.

– Ваньки? Есть. А тебе зачем?

– Поеду туда, наверное.

– Люб, ты бы это... – он чешет затылок. – Не ищи его, может?

– Почему ты так говоришь? Знаешь что-то?

– Если слухи верные, то искать его опасно.

– А что за слухи? Мне никто ничего не говорит, – мой голос срывается на истерику.

– Говорят, что... здрасьте, Лев Егорович, – здороваются

он с дедом, который проходит за моей спиной.

– Здравствуйте, – произношу тихо.

– Здравствуйте, молодежь, – отзывается дед и медленно спускается ниже.

Мы ждем, пока он достигнет этажа ниже, и я снова перевожу взгляд на Васю.

– Ну? Что говорят?

– Говорят, что Лешку пошматовали и труп спрятали. Он там кому-то из столичных дорогу перешел. Даже брат не помог.

– Но он что-то знает? Брат?

– Понятия не имею. Люб, я ж говорю тебе: до меня только слухи дошли.

– Ладно, давай адрес.

– Ты не угомонишься, – со вздохом качает головой Вася, а потом заходит в квартиру, и уже через минуту выносит мне листочек с адресом. – Держи. И это... будь осторожна.

– Ладно. Спасибо, – благодарю и, сжав в руке заветный огрызок блокнота, сбегая вниз.

Час спустя я уже закидываю на плечо рюкзак и поправляю джинсы. Смотрю на себя в зеркало, а потом отворачиваюсь. Выгляжу ужасно: бледная, с синяками под глазами. Соображаю туго, но надо ехать. Если я не начну искать, может, никто не начнет.

– Ну куда ж ты поедешь? – причитает мама за моей спиной. – А если ты его не найдешь?

– У меня адрес есть. К тому же, могу остановиться у тети Светы.

– Люба, это опасно. Да что ж ты никак не утомонишься?

– Мам, если он мертв, я должна увидеть тело. Но если нет... я никогда не перестану его искать.

– А вдруг он специально спрятался, ты не думала о таком? Не хочет человек, чтобы его нашли! Может, даже от тебя спрятался. Почувствовал ответственность, когда залезла, вот и скрылся. И хорошо, что аборт сделала! Что бы ты сейчас делала с животом?

– Мам! – выкрикиваю с истерическими нотками.

– Ой, – вздыхает она. – Сам непутевый, и тебя в свое бо-лото тянет. Ну ты хоть не сиди в столице долго, ладно? Я волнуюсь.

– Ладно.

– И денег возьми, – протягивает мне несколько мелких купюр.

– Мам, ты чего?

– А чего? Будешь там побираться? Бери-бери. И Светку не стесняй сильно.

– Мам, ты ж на коммуналку откладывала.

– Люба, бери, – грубее настаивает она и вкладывает купюры в мою ладонь. – Потом разберемся. Давай, поезжай.

Поддавшись порыву, обнимаю маму и выбегаю из квартиры. До автобуса всего час, а мне еще надо добраться до вокзала. Выбегаю из подъезда и натыкаюсь на машину Дениса

Завьялова. Из нее вылетает Юлька.

– Ну наконец-то! Поехали!

– Куда? – затормозив, глазею на подругу.

– На вокзал! Денис согласился тебя подвезти. Давай, запрыгивай в тачку.

– А откуда ты?..

– От верблюда! Ваську встретила.

– А, ладно, – отупело пялюсь на вылизанную машину и сажусь на заднее сиденье. – Привет.

– Здорова, – вальяжно раскинувшись на водительском месте, произносит Завьялов. – Мурочка, так ты едешь? – бросает Юльке, и та, оббежав капот, запрыгивает на пассажирское сиденье.

Денис заводит машину, и мы выезжаем со двора. Прислонившись лбом к стеклу, смотрю на город. Маленький, но красивый. Весь утопает в зелени. Да, здания сероваты и не ухожены, но все здесь такое родное и близкое мне. А столицы я боюсь. Мы с мамой дважды туда ездили, и один раз с классом. Слишком большой город для меня. Шумный, суетливый. Но с Лешей я бы туда переехала. Да я бы с ним на край света подалась! Только бы он был жив.

На вокзале я как под наркозом. Выстаиваю очередь к кассе, покупаю билет. Съедаю хот-дог, который мне буквально вталкивает в рот Юлька. Пока мы ждем отправления, Денис пытается развлекать нас какими-то шутками, но я не то что смеяться, даже вежливую улыбку не могу выдать. Наконец

объявляют мою посадку, и Юлька прижимает меня к себе.

– Я, конечно, считаю, что ты дура, но это так романтично, – произносит подруга. – Найди своего любимого и больше не пускай в столицу.

Я киваю и всхлипываю. Денис просто легонько хлопает меня по плечу, и я наконец захожу в автобус. В старом ПА-Зике шумно и воняет потом, колбасой и машинным маслом. Он гремит и пыхтит, выезжая с вокзала. Меня трясет в этой развалюхе, тошнит от ужасного антуража, но я прижимаюсь лбом к прохладному пыльному стеклу и закрываю глаза. Может, хоть в дороге удастся подремать? Потому что я не планирую спать, пока не найду своего Лешу и не прижму к себе. Живого или мертвого.

Глава 10

Читаю надпись на остановке. “Ломоносова”. К горлу подкатывает паника. Разворачиваю карту и начинаю хаотично шарить по ней взглядом, а автобус снова трогается. Черт, где же эта “Ломоносова”? Нет такой на моем маршруте! Кое-как смяв карту, подсказываю и бегу к водителю.

– Я не туда поехала. Можете, пожалуйста, остановить автобус?

– И посадить тебя посреди дороги? – хмыкает дородный мужчина, поправляя на голове синюю кепку с надписью “USA California”. – До следующей остановки.

– Но это далеко!

– Дочка, займи место в салоне. Я не останавлиюсь.

Проглотив ругательства, которые так и щекочут язык, вцепляюсь в поручень и сверлю глазами дорогу. Автобус сворачивает и сразу за поворотом останавливается. Я выскакиваю, когда дверь еще даже не полностью открылась. Говорила мне продавщица в газетном киоске, где я покупала карту, что лучше на метро. Но я решила, что там заблужусь быстрее. А с автобусами все понятно, и маршрут ясно расписан на карте. Но вот как бывает. Я уже дважды села не в тот автобус. Первый раз в правильный, но поехала в другую сторону.

Сажусь на лавочке при остановке и блуждаю невидящим взглядом по небольшому столику немного поодаль, на кото-

ром выложена всего одна маленькая брошюра.

– Давайте, друзья, попытайте свое счастье! – выкрикивает проницательного вида мужичок, стоящий за этим столом. – На кону соковарка! Самый нужный в доме предмет! И ставки сегодня низкие в честь пятницы! Подходите, не стесняйтесь. Вот вы, дамочка, – зазывает он женщину средних лет. – Вам нужна соковарка? Представьте себе, какой это нужный предмет в доме.

– Мне уют новый нужен, – отвечает она, хмыкнув.

– У нас и уют имеется! Сущие копейки! – он достает из кармана смятый техпаспорт на технику. – Смотрите! Новейший. Подходите, мужчина! Ради дамы у нас тут два лота! Выбирайте.

– Мне тоже нужен уют.

“И маме моей нужен уют”, – с грустью думаю я. На нашем стареньком совсем провод прохудился. Дядя Федя его уже как только не чинил, говорит, лучше новый купить. Встаю и подхожу ближе, прислушиваясь. Мужчина с женщиной уже всю ведут торги. И сумма смешная: всего пятьсот рублей. Засунув руку в карман джинсов, сминаю купюры.

– Пятьсот пятьдесят рублей, – раздается, и три пары глаз устремляются ко мне. Это я произнесла?

– О, подходите ближе, девушка, – улыбается мужик за столом. – И вы, мужчина.

Спустя минут пятнадцать сумма выросла до тысячи, и я начинаю нервничать, потому что у меня в кармане чуть боль-

ше этой. Может, как-то уйти? Только я уже вроде как вовлечена во все это. Будет неудобно. Да и утюг, опять же, нужен. Но если я потрачу все деньги, что дала мама, то останусь без копейки. И ведь утюг-то нужен. И я могу, если что, у тети попросить. Но это еще более неловко.

– Ты дура, что ли? – раздается над моим ухом, и я вздрагиваю. Поворачиваюсь лицом к мужчине в костюме. Серьезный такой. Деловой. Я таких никогда и не видела. – Это же разводилы. Сейчас оставят тебя без копейки.

– Так он утюг продает, – влею я.

– Утюга у него в помине нет. Уходи отсюда. Давай.

– А можно?

– Можно. Иди.

Бросив взгляд на мужчину за столом, который уже покраснел от того, как распалился, я начинаю идти.

– Эй, девушка! – окликает меня бугай, стоящий возле стола. – Так нельзя! Начала играть – должна идти до конца.

– Уходи, – снова отправляет меня подошедший в костюме и поворачивается к бугаю. – А ты скажи это мне, – его голос звенит сталью.

– Ну просто игра нарушается, – тушует тот.

– Ваша игра и без нее пройдет успешно.

Мужчина стоит возле этой толпы, пока я не скрываюсь за поворотом. Бросив на него благодарный взгляд, сворачиваю и начинаю бежать так быстро, как только могу. *Разводилы.* Кто это? Блин, как жалко, что из-под носа ушел такой деше-

вый уют. Но, когда этот мужчина подошел ко мне, стало еще страшнее. Как будто я ввязываюсь во что-то ужасное. Кстати, глаза у него такие темные, пронзительные, умные и... добрые. Мне сначала даже немного не по себе было от его взгляда. А сейчас ловлю себя на том, что рядом с ним стало как-то спокойно.

Добегаю до остановки “Ломоносова”, перехожу улицу и пытаюсь восстановить сбитое дыхание, пока дожидаясь новый автобус в обратном направлении. Сажусь в нужный и, как коршун, слежу за остановками. По дороге в столицу мне удалось немного вздремнуть, но все равно ощущение такое, будто в голове рой пчел поселился.

Выхожу на нужной остановке, пересаживаюсь наконец в тот самый автобус и еду почти до самого дома Лешиного брата. По дороге от остановки замечаю телеграф и захожу в него. Очередь из трех человек по понятным причинам движется медленно. И мне бы поспешить к Ивану, но мама наверняка волнуется. Оплачиваю три минуты разговора и принимаюсь ждать. Из кабинок доносятся обрывки разговоров. Кто-то плачет, кто-то смеется, а я уже схожу с ума, все тело гудит от усталости и потребности бежать дальше.

Наконец подходит моя очередь, и я набираю номер, который уже выучила наизусть.

– Теть Лена, – зову, как только соседка снимает трубку. – Теть Лена, это Люба Лаврова.

– Любочка? Что-то случилось?

– Ничего не случилось. Я в столице. Передайте, пожалуйста, маме, что со мной все хорошо.

– Люба, может, позвать ее?

– Нет, у меня очень мало времени. Просто скажите, что все хорошо, ладно?

– Все передам, детка.

– Спасибо. До свидания.

Не дожидаясь от нее прощания, выбегаю из кабинки и иду в сторону дома Ивана. Уже даже не иду, плетусь. Ноги ослабли, голова кружится от усталости и есть так хочется, что, кажется, желудок скоро начнет поглощать сам себя. Прохожу мимо группки девчонок, играющих в резинку во дворе многоэтажек, мимо мальчишек, гоняющих мяч в “Квадрат”, мимо больших растяжек с веревками, на которых сушится белье. Недалеко от дома овощной киоск, а рядом с ним стоит бабулька и продает пирожки. Я даже на расстоянии чувствую запах, от которого рот наполняется слюной, и все же прохожу мимо. Я и так слишком много времени потратила на то, чтобы доехать сюда.

Поднимаюсь на девятый этаж в дребезжащем лифте, стены которого исписаны неприличными словами вперемешку с признаниями в любви. Нужную дверь нахожу быстро. Только мой взгляд падает на цифры с номером квартиры, сердце снова разгоняется, пытаюсь выпрыгнуть в горло. Нажимаю на дверной звонок, но никто не открывает. Звоню снова и снова, потом стучу, но глухо. Похоже, дома никого нет. Внутри

меня зреет истерика. Я так долго и с такими приключениями добиралась сюда, что не застать Ивана дома – это просто ужасно.

Еще немного потерзав дверной звонок, сажусь на ступеньки. Буду ждать, сколько понадобится. Только уже через пять минут желудок снова дает о себе знать громким урчанием, нарушая тишину в подъезде. Мое лицо заливается румянцем. А вдруг кто-то услышал это?

Вызываю лифт. Спущусь вниз, куплю себе пирожок и вернусь на свой пост. Надо будет, я тут всю ночь просижу, но дождусь Лешиного брата.

Глава 11

– Люба?

Я поднимаю голову и смотрю мутным взглядом на Ивана, который стоит на лестничной площадке возле лифта. Даже не услышала, как он пришел. Тру глаза, а потом до меня доходит, кто передо мной, и я вскакиваю.

– Ваня! – хватаю его за руку. – Вань, ты знаешь, где Леша?

Он тяжело вздыхает, а потом ведет меня к своей квартире. Отпирает дверь и впускает меня внутрь.

– Заходи. Разувайся. Тебе, может, в туалет надо?

– Надо, – отвечаю еле слышно, заливаясь румянцем.

– Вторая дверь справа. Давно ждешь?

– С шести вечера.

– Давно, – вздыхает он, глянув на часы на запястье.

– А который сейчас час? – спрашиваю, открывая дверь в туалет.

– Первый час ночи. Ну давай. Я буду на кухне. Чаю выпьешь? Ты, может, голодная?

– Нет-нет, не беспокойся.

Скрываюсь в туалете, а, выйдя, топаю на шум в кухню. Ваня гремит посудой, на плите греется чайник. Старый, с потертыми боками эмалированный чайник. Красный в белый горошек. Такой же, как у нас с мамой.

– Садись, – Ваня кивает на табуретку и, как только я при-

земляюсь на нее, ставит передо мной тарелку с бутербродами.

Белый хлеб с сыром и докторской колбасой. Пахнет как самое изысканное блюдо. Вгрызаюсь в него, следя за тем, как Иван наливает нам чай. Ставит передо мной чашку и двигает ближе сахарницу без крышки с торчащей из нее чайной ложкой с налипшими слоями кристалликов сахара.

– Вань, слышно что-то про Лешу? – прожевав, спрашиваю я и смотрю, видимо, с такой надеждой, что он отводит взгляд.

– Ничего, Люб. Мамка весь день в милиции. До сих пор там. Я тоже заезжал. Они делают вид, будто ищут, но мы же понимаем, что это вряд ли. И все равно надежда остается только на них.

– Тарас сказал, что Леша кому-то там дорогу перешел. Может, к этим людям подъехать? Поговорить, расспросить. Если это правда, пусть хоть... – всхлипываю и давлюсь слезами. – Пусть бы хоть тело отдали.

– Люб, возможно, он еще живой.

– Ты прав, – вздыхаю я. – А что случилось вообще?

– Неизвестно. Тарас маме сказал, что Леша спутался с кем-то, занимался тут то ли рэкетом, то ли разводняком. Помешал кому-то, вот его и грохнули.

– Он говорил, что сюда только на стройку ездит.

– Ох, Люба, – вздыхает Иван. – Он со стройки уволился три месяца назад.

– Как уволился? – поднимаю на него взгляд и чувствую, как сердце пропускает удар. – Он говорил мне...

– Мы же вместе на стройке работали. Он сказал, что нашел себе более прибыльное место и ушел. Как-то так. Подробности не делился.

Вернув недоеденный бутерброд на тарелку, я прячу лицо в ладонях и начинаю плакать. Ваня пересаживается на табуретку рядом со мной и поглаживает по спине, пока моя очередная истерика не стихает. Мне очень обидно. И за ложь, которую мне говорил Леша, и за то, что у меня даже нет возможности обвинить его в этом!

– Что же делать? – спрашиваю хрипло, когда перестаю плакать.

– Ничего мы пока не сделаем. Ты возвращайся домой. Если будут какие-то новости, я позвоню Тарасу, он передаст тебе.

– Хорошо. – Встаю с табуретки, и Иван встает рядом. – Спасибо за все.

Я хочу уже выйти из кухни, как Ваня останавливает меня.

– Ты куда?

– Домой поеду.

– Сейчас? Не выдумывай. Оставайся у меня на ночь, завтра поедешь.

– Да где ж у тебя тут ночевать?

– Я на полу посплю. Идем, покажу тебе диван. Там и белье свежее. Для мамы приготовил, но она уже вторую ночь

в милиции ночует.

– Вань, я не хочу тебя смущать. Я, может, к тете поеду.

– Ночью ты туда будешь добираться слишком долго. Да и тетю переполошишь поздним появлением. Пойдем.

Удивительно, но я быстро засыпаю на скрипучем диване, пропахшем пылью. И даже храп Ивана меня практически не беспокоит. Сплю я крепко, только во сне вижу Лешу. То живого, улыбающегося, то мертвенно бледного, лежащего на промерзшей земле, щедро усыпанной желтой листвой. Хотя при чем тут она, учитывая, что сейчас лето? Сны мучительные, и утром я все равно просыпаюсь разбитая. Ваня еще спит, а я поднимаюсь, иду в ванную, быстро привожу себя в порядок. После этого аккуратно складываю постельное белье и тихо покидаю квартиру Ивана.

Спустившись, покупаю у той же бабульки два пирожка, в киоске – бутылку Фиесты и, присев на лавочку возле детской площадки, съедаю весь свой нехитрый завтрак. Еще некоторое время раздумываю, ехать ли к тете, а потом решаю, что лучше всего будет отправиться домой.

Обратная дорога оказывается еще более утомительной, чем путь в столицу. Тогда я рвалась, чтобы получить еще хоть какие-то крохи информации. Надеялась, что друзья просто не в курсе, а Леша припеваючи живет у брата. Теперь же, когда я точно знаю, что он пропал, весь мир кажется мне серым и унылым.

К счастью, когда я захожу в квартиру, мама на работе.

Сбросив вещи, отправляюсь в душ, где быстро обмываюсь в холодной воде, потому что горячую уже отключили. Надо снова доставать тазики и ведра. Греть воду целый вечер, чтобы потом нормально помыться.

Свернувшись калачиком на своем диване, я тихо плачу, подвывая. Ощущение безнадеги то накрывает, то отступает. Я закрываю глаза, чтобы увидеть перед собой Лешу. Вспомнить каждую черту, каждую морщинку от улыбки. Его руки на моем теле, губы на моих и теплый взгляд лучистых глаз. Вдруг я больше никогда его не увижу? Не хочу забывать, каким он был.

А вечером приходит мама. Когда она заходит в комнату, я сажусь на диване.

– Ну что?

– Ничего, – отвечаю сильным голосом. – Его мама дежурит в милиции. Брат говорит, что ничего не знает. Милиция вроде как ищет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.